

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию

Александры Михайловны Эрштадт

на тему

«ЛЕКСИКА ТРАДИЦИОННЫХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗАНЯТИЙ
КОЛЬСКИХ СААМОВ (на материале кильдинского диалекта саамского
языка)»

по специальности 10.02.02 – «Языки народов Российской Федерации
(урало-алтайские языки)»

на соискание учёной степени кандидата филологических наук

В своём исследовании А.М. Эрштадт обращается к теме лексики традиционной культуры, а точнее – традиционных хозяйственных занятий кольских саамов. Актуальность диссертации обусловлена тем, что исследуемый язык (кильдинский саамский; автор диссертации предпочитает называть его кильдинским диалектом саамского языка) находится под серьёзной угрозой исчезновения. Лексика традиционного хозяйства несомненно должна быть одним из приоритетов при описании находящихся под угрозой исчезновения языков, так как даже в случае сохранения самих таких языков (например, в результате успешных попыток их ревитализации), велика вероятность того, что этот пласт лексики будет утрачен из-за перехода носителей языка к современному образу жизни. Диссертанту удалось собрать и проанализировать 1287 единиц (см. ниже о критериях подсчёта лексем) кильдинского диалекта саамского языка, относящихся к лексике традиционных занятий кольских саамов, причём одним из источников были собственные полевые исследования автора. Следующие далее критические замечания к тексту работы А.М. Эрштадт ни в коей мере не умаляют значимости многих полученных автором результатов и важности работы в целом для саамоведения.

Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списков использованной литературы и сокращений и приложения.

Во введении формулируется содержание исследуемой научной проблемы, ставятся цели и задачи исследования, обосновывается его актуальность и научная новизна, излагаются теоретические и методологические основы исследования, раскрывается его структура.

Первая глава посвящена теоретическим предпосылкам исследования лексики традиционных хозяйственных занятий кольских саамов. Глава состоит из пяти разделов. В первом разделе рассматривается диалектное членение саамского языка. Автор принимает распространённую в отечественном саамоведении точку зрения на саамский как на единый язык, а на его разновидности – как на диалекты этого языка. В то же время диссертант упоминает и о противоположной точке зрения: «В современной зарубежной науке диалекты саамского языка рассматриваются как отдельные языки» (стр. 14). Такая точка зрения основана на том, что разница между саамскими «диалектами» сопоставима с разницей между прибалтийско-финскими языками.

Во втором разделе первой главы рассматривается современное состояние кольских диалектов саамского языка, в том числе кильдинского. Третий раздел посвящён источникам изучения лексики традиционных занятий кольских саамов. В качестве таких источников называются «материалы полевых исследований, лексикографические и этнографические работы, образцы саамской речи, а также учебно-методические издания и художественная литература» (стр. 23). На наш взгляд, именно выбор лексикографических источников является самым существенным недостатком рассматриваемой работы. Фактически автор пользуется только современными саамско-русскими словарями, а именно «Саамско-русским словарем» под редакцией Р.Д. Куруч и учебным пособием «Словарь саамско-русский и русско-саамский» Г.М. Керта. Диссертант признаёт, что «[н]аиболее полным словарем по восточным диалектам саамского языка

является двухтомный «Словарь кольских и колтта диалектов» Т. Итконена» (стр. 24). Тем не менее, в основном тексте диссертации этот словарь цитируется только три раза, на стр. 75, 129 и 132, в приложении – лишь один раз, на стр. 293. Объяснения диссертанта по поводу фактического игнорирования самого полного словаря исследуемого языка заслуживают того, чтобы привести их полностью: «В этом издании содержится важный лексический материал, однако опорные слова принадлежат диалекту Патсойоки, что существенно затрудняет работу с данным словарем несмотря на то, что во втором томе словаря приводится регистр понятий на немецком и финском языках, а также одном из норвежских диалектов саамского языка [Зайков 1987: 10, Терешкин 2002: 18].» (стр. 24). Во-первых, непонятно, означают ли ссылки на Зайкова и Терешкина, что автор диссертации не имел дело со словарём Т. Итконена и черпает информацию о нём из вторичных источников? В связи с этим нельзя не отметить, что отсканированный и распознанный словарь Т. Итконена выложен в открытый доступ на сайте Финно-Угорского Общества. Во-вторых, тот факт, что соответствия начальных согласных между саамскими языками вполне тривиальные, облегчает поиск нужного слова в словаре, даже если заглавной является форма другого диалекта/языка. И наконец, сам диссертант упоминает наличие в словаре семантических указателей на немецком и финском языках.

Не меньшее недоумение вызывает отсутствие в диссертации каких-либо упоминаний «Словаря кольско-саамских диалектов» А. Генетца (Arvid Genetz «Kuollan lapin murteiden sanakirja ynnä kielennäytteitä / Wörterbuch der Kola-lappischen Dialekte nebst Sprachproben». Helsingfors, 1891) – первого масштабного свода кольско-саамской лексики.

С другой стороны автор диссертации полагает, что «[ц]енным источником лексики материальной культуры кольских саамов представляются списки саамских слов, не имеющих соответствий в финно-угорских и прибалтийско-финских языках, и имеющих такие соответствия, с переводом на русский язык, подготовленные Г.М. Кертом по материалам Ю.

Лехтиранты [Керт 2009: 140–172].». Эти списки цитируются в основном тексте диссертации не менее 25 раз. Они являются по сути третичным источником, т.к. саамские формы в них взяты из сопоставительного «Общесаамского словаря» Ю. Лехтиранты (Juhani Lehtiranta «Yhteissaamelainen sanasto». Helsinki, 1989). В свою очередь основным источником кильдинских саамских форм в словаре Лехтиранты послужил упомянутый выше словарь Т. Итконена, причём Лехтиранта перевёл сложную фонетическую нотацию оригинала в фонематическую запись Э. Итконена. Таким образом, формы из словаря Т. Итконена, хотя и кружным путём, всё же попали в диссертацию, зачастую с комментариями вроде «В современных словарях саамского языка эти 4 лексемы не зафиксированы» (стр. 75). Рассмотрим судьбу таких слов на примере слова *ciz* ‘краска для сетей’, приводимом на стр. 117 диссертации со ссылкой на списки Г.М. Керта, где оно действительно дано как *ciz* со ссылкой на словарь Лехтиранты (№80). Однако у Лехтиранты это слово приводится как *ciʒʒ*. В первоисточнике – словаре Т. Итконена оно записано как *tsiDts*^(A). Таким образом, две из трёх фонем этого слова в списке Керта переданы с ошибками.

Но есть и другая причина, по которой диссертанту не следовало бы пользоваться упомянутыми списками. Судя по их названию («Саамская лексика, не имеющая соответствий в финно-угорских и прибалтийско-финских языках» и «Саамская лексика, имеющая соответствия в финно-угорских и прибалтийско-финских языках»), прямая цель этих списков – отделить исконную саамскую лексику, унаследованную из финно-угорского праязыка, от заимствований из субстрата. Так понимает это и диссертант, относящий слова из первого списка к «субстратному слою» (стр. 52). Однако обращение к спискам показывает, что для всех (!!!) слов из второго списка («Саамская лексика, имеющая соответствия в финно-угорских и прибалтийско-финских языках») в нём приведены финские соответствия. Это значит, что в данный список не могли попасть финно-угорские слова, сохранившиеся в саамском, но утраченные в финском. Как же такие слова

тракуются в списках Г.М. Керта? Оказывается, что слова, для которых в словаре Лехтиранты приведены параллели из других финно-угорских языков, но не из финского, отнесены Г.М. Кертом к списку «Саамская лексика, не имеющая соответствий в финно-угорских и прибалтийско-финских языках». Сюда относятся слова, для которых Лехтиранта приводит венгерские, марийские, мордовские, хантыйские, коми соответствия, и даже слова, для которых Лехтиранта вместо соответствия в другом языке приводит реконструированную уральскую праформу. Из упомянутых в диссертации слов сюда относятся, в частности, *пуаз* ‘олень’ (у Лехтиранты приведена марийская параллель; слово восходит к прафинно-пермскому **ро́са* ‘олень’), *ни́нүлэсс* ‘самка’ (Лехтиранта возводит его к прауральскому **näxi* ‘женщина’), *нюэммель* ‘заяц’ (у Лехтиранты приведена венгерская параллель; слово восходит к прафинно-угорскому **ńomala* и прауральскому **ńoma* ‘заяц’), *тохт* ‘гагара’ (Лехтиранта приводит марийскую параллель; слово восходит к прафинно-угорскому **tjkti* ‘вид гагары’). Диссертант мог бы избежать упомянутых ошибок, если бы не затрагивал диахроническую тематику в работе очевидно синхронной направленности.

На стр. 26 монография Г.М. Керта «Саамский язык (кильдинский диалект)» почему-то отнесена диссертантом к «учебным источникам изучения лексики». На самом деле эта грамматика, безусловно, не имеет учебного характера.

На стр. 27 приведены четыре варианта саамского алфавита на основе кириллической графики, причём диссертант отмечает, что «Материалы полевых исследований представлены в орфографической системе А.А. Антоновой». Однако перечень букв алфавита не равнозначен описанию орфографической системы: для последнего необходимо привести соответствия между графемами (а не буквами алфавита; в число графем входят не упомянутые у диссертанта диграфы типа <oa>, а также буквы со знаком долготы типа <ū>) и фонемами (инвентарь фонем кильдинского саамского у диссертанта не приведён), причём соответствия должны быть

описаны в обе стороны – от фонем к графемам и от графем к фонемам. В итоге орфографическая система, в которой автор записывает собственные полевые материалы, остаётся не описанной в диссертации, а сам выбор для этой цели одной из орфографий вместо фонологической транскрипции – немотивированным. Но и перечни букв алфавита приведены в диссертации с ошибками: так, в алфавите Н.Е. Афанасьевой, Р.Д. Куруч, Е.И. Мечкиной и др. на самом деле отсутствует буква <ö>.

На стр. 29 автор формулирует принцип, играющий существенную роль в строении диссертации: «Ввиду того, что говорные варианты в кильдинском диалекте саамского языка часто обнаруживают не только фонетические, но и семантические различия, а также в целях фиксации и сохранения максимально возможного объема лексики традиционных занятий кольских саамов, все обнаруженные варианты разрабатываются в настоящей работе как самостоятельные слова». На практике это значит, что при подсчётах исследованной лексики (а такие подсчёты неоднократно встречаются в диссертации) автор засчитывает как отдельные лексемы не только варианты с фонетическими или семантическими особенностями, но и орфографические варианты, а также просто случаи с ошибкой в записи (см. выше про слово *siz* ‘краска для сетей’). Неразличение диалектных, словообразовательных, орфографических и других вариантов и приравнивание каждого такого варианта к отдельной лексеме (а также приравнивание устойчивых словосочетаний к лексемам) полностью лишает смысла проводимые автором подсчёты лексем.

В четвёртом разделе первой главы рассматриваются традиционные занятия кольских саамов. Пятый раздел посвящён теоретическим вопросам изучения лексической системы языка.

Вторая глава диссертации посвящена тезаурусному представлению и анализу лексики традиционных хозяйственных занятий кольских саамов. Автор разделяет эту лексику на тематические группы (ТГ), в состав которых

входят тематические подгруппы (ТПГ), в свою очередь подразделяющиеся на лексико-семантические группы (ЛСГ).

К безусловным удачам диссертанта следует отнести уточнение в ходе полевых исследований семантики слова *ērrьк*, глоссиремого как ‘олень–самец, бык’ в [СРС: 81]. Диссертант пишет: «лексема *ērrьк* маркирована признаком ‘холощенный’. В словарях этот признак, на наш взгляд, выражен не вполне удачно, поскольку в обыденном понимании значение лексемы ‘бык’ такого признака не имеет. Однако анализ этнографической литературы показывает, что в оленеводческой терминологии ‘бык’ – это именно кастрированный самец оленя» (стр. 55).

На стр. 60, рассматривая лексико-семантическую группу «Наименования оленя по месту в упряжке», в составе которой имеются отдельные наименования для передового оленя, второго оленя в упряжке (располагается справа от передового оленя), среднего и крайнего оленя в упряжке, автор пишет: «Наличие в значении указания на пространственное положение указывают <sic!> на значимость пространственных ориентиров как мотивационных признаков номинации». Нам представляется, что подобные тавтологичные объяснения тривиальных мотиваций обсуждаемых терминов не имеют ничего общего с научным анализом и не вносят ничего нового в исследование лексики традиционного хозяйства.

На той же стр. 60 приведена лексема *эвтэх* ‘олень-вожак (в стаде)’, но ничего не сказано о её производности от *эввт* ‘передний; передовой, головной’. Это достаточно характерная ситуация для рецензируемой диссертации: автор далеко не всегда считает нужным приводить деривационную историю слова или указывать на его внутреннюю форму.

Ещё одной удачей диссертанта является обнаружение в результате полевых исследований ранее не зафиксированного в кильдинском глагола *сўльтэ* ‘делать разницу между верхницей и нижницей невода’ (также в составе словосочетаний *нўххьт сўльтэ* ‘делать разницу между верхницей и нижницей невода’, *сāййм сўльтэ* ‘делать разницу между верхницей и

нижницей сети») (стр. 118). Эта лексема не представлена не только в учтённых автором в диссертации саамско-русских словарях, но и в словарях Т. Итконена и А. Генетца. В то же время её аутентичность доказывается наличием родственных форм в других саамских языках: ср., например, инари-саамский глагол *suldeđ* ‘messen und vergleichen, ob zwei (oder mehrere) gleich hoch oder gleich lang sind’ в словаре Э. Итконена (Inarilappisches Wörterbuch. Herausgegeben von Erkki Itkonen. Helsinki, 1986-1991; #4590.4). Данный пример показывает, что несмотря на более чем вековую традицию кильдинской саамской лексикографии, в ходе полевой работы могут быть обнаружены нигде ранее не зафиксированные лексические единицы.

На стр. 128 приведены две формы слова ‘окунь’, которые автор называет «фонематическими вариантами»: *вуэсск* ‘окунь’ [СРС: 63, ССРПС: 25, АА, ГП, ЗН, ЛГ]; *вўсскан* ‘окунь’ [ЗЕ]. Однако согласно одному из процитированных словарей [СРС: 63], *вўсскан* – форма множественного числа от слова *вуэсск*. В этом и подобных случаях диссертант должен был бы оговорить, как трактуется такая форма в словаре, а также представить аргументы, показывающие что записанная им в поле форма не является формой множественного числа.

Выше упоминалось, что автор сознательно трактует диалектные, словообразовательные и орфографические варианты как отдельные лексемы. Однако на стр. 132 «лексемами» названы формы *мѣххьцолма* ‘охотник’ и *мѣххьцолмэ* ‘группа охотников, охотники’, т.е. единственное и множественное число одного и того же слова. Остаётся пожалеть, что в разделе 1.5. «Теоретические вопросы изучения лексической системы языка» не нашлось места для определения лексемы.

Заключение к работе адекватно отражает основные выводы, к которым пришёл диссертант, и обобщает достигнутые им результаты.

Приложение к диссертации – «Тематический список лексики традиционных хозяйственных занятий кольских саамов с культурологическим комментарием» – занимает 146 страниц. В нём по

возможности для каждого рассмотренного в диссертации слова приводится комментарий из этнографической литературы. Полезность такого приложения, созданного в традициях исследований «Wörter und Sachen», для изучения саамской лексики очевидна: оно позволяет без трудоёмких поисков понять место, которое занимают обсуждаемые реалии в повседневной жизни и традиционном хозяйстве саамов.

Тем не менее, нельзя не отметить существенный недостаток приложения: дословные цитаты из этнографических источников приводятся со ссылкой на страницу, но без кавычек. Такая практика представляется нам совершенно недопустимой для научной работы: без обращения к источнику непонятно, имеем ли мы дело с цитатами или с пересказом источника, а если с цитатами, то насколько точными и дословными они являются.

Нам представляется, что перечисленные выше недостатки, несмотря на их серьёзность, не являются фатальными для диссертации А.М. Эрштадт: диссертация содержит значительное количество записанных автором (иногда уникальных) полевых материалов по языку, находящемуся под угрозой исчезновения, значение которых для саамоведения трудно переоценить; диссертант показал способность к полевым исследованиям, а также систематизации и анализу больших объёмов лексического материала.

Диссертация А.М. Эрштадт, выполненная под руководством доктора филологических наук, профессора О.Н. Иванищевой, является законченной научно-квалификационной работой. Полученные автором выводы могут быть использованы для составления словарей кильдинского саамского языка и включены в учебные курсы по языкам народов Российской Федерации. Содержание автореферата соответствует содержанию диссертации. Диссертация соответствует п. 9, 10 Положения о присуждении учёных степеней и является научно-квалификационной работой, в которой содержатся решения задачи, имеющей существенное значение для соответствующей отрасли знаний – специальности 10.02.02 (Языки народов

Российской Федерации (урало-алтайские языки)). На основании параграфов 9 и 10 Положения о присуждении учёных степеней можно утверждать, что А.М. Эрштадт заслуживает присуждения ей искомой учёной степени кандидата филологических наук по заявленной специальности.

Официальный оппонент

М.А. Живлов

кандидат филологических наук,

старший преподаватель РГГУ

13 марта 2015